

№ 7 (июль), 2015г.

Международные связи Вали хана

Клара Хафизова, доктор исторических наук, профессор-китаевед

Старший сын хана Абылая – Вали (1741–1821), правил в Среднем жузе в 1781–1821 годах, т. е. на протяжении 40 лет. Столь продолжительное правление является уникальным не только в истории Казахстана, но и во всем регионе Центральной Азии. Время его правления больше времени правления другого политического долгожителя – Абулмамбет хана – на десять лет с лишним.

Характер Вали хана был более ровным и мягким, чем у его отца, и он почил мирно в своей постели. Султан не отличался чрезмерным честолюбием и агрессивностью, присущим его отцу. Предположительно, его целью было продолжение политики отца и удержание трона за новой династией.

Исследователи мало внимания уделяли внешней и внутренней политике Вали, а также его дипломатии. Поэтому может показаться, что он был посредственной личностью, безвольно плывшей на волне событий, что он вел недальновидную, во всяком случае, безынициативную политику. Безусловно, Вали хан не был столь яркой личностью, каким был его отец. Абылай ханствовал всего 10 лет, но прославился он задолго до избрания его ханом. Жизнь Абылая прошла, преимущественно, в военных лагерях, он лично участвовал в походах против джунгар, маньчжур (шуршутов, чурчутов), кыргызов, ташкентцев, урянхайцев (тувинцев). Абылай сумел без пролития крови завоевать ханский престол, не допустил превращения в своих смертельных врагов законных наследников Абулмамбета, которому он наследовал. Его преимущества на внешней арене были неоспоримыми, по сравнению с другими претендентами на престол. Первой заботой Абылая на троне было закрепление его за своим домом, поэтому он заранее начал заботиться о своем наследнике.

Как уже было сказано выше, Вали был старшим сыном Абылай хана, родившимся от второй его жены-каракалпачки Сайман ханым (Ерофеева, 1997, с. 83). Его единоутробным братом был султан Адиль. Он умер раньше Вали хана, в 1815 году. Оба брата с раннего возраста включились в дипломатическую и военную деятельность Казахского ханства. В 1766 году султан Вали помогал отцу в формировании отрядов для завоевания Ташкента (ККД 1762-1775. Д. 14, л. 271). Это, пожалуй, наиболее раннее упоминание о первых шагах юного султана на служении ханству. Цинский император, принимавший султана при дворе, особо отмечал, что Вали достойно помогал своему отцу в управлении государством.

В годы своего правления, Вали не предпринимал крупных военных акций, кроме мелких стычек с кыргызами, не отличался как будто бы и большой храбростью в сражениях. Обычно он отправлял в набеги своих братьев. Кажется, конкурентам Вали не приходило в голову физически отстранить его от трона, а многочисленные братья и потомки ханского дома Абулмамбета – Болат и Абулфеиз – после непродолжительных и энергичных попыток противодействия смирились с его воцарением. Однако это не значит, что Вали избежал политических интриг и не имел серьезных конкурентов. После внезапной и загадочной смерти хана Абылая, потомки Абулмамбета пытались отвоевать обратно казахский трон. Среди претендентов на ханство были: старший сын Абулмамбета – Болат, правивший Туркестаном и кентами в его окрестностях. Вторым шел пасынок

Абулмамбета (сын султана Барака) – Абулфеиз, правивший родами Среднего жуза. Претендовал на трон и второй родной сын Абулмамбета – Тауке, правивший племенами Старшего жуза. Кроме того, был еще султан Даир (Таир, Тагир, Тахир) – сын Барака султана, зять Абылая, правивший немногочисленными родами племен аргын, найман и коньрат. Из всех этих конкурентов в двух соседних державах были хорошо известны лишь двое – Вали и Абулфеиз. Все эти претенденты были избраны ханами в своих уделах, но, понимая шаткость своего положения, так или иначе стремились закрепиться в своих родах и получить поддержку этих держав.

Первоначально Коллегия иностранных дел Российской империи рекомендовала кандидатуру султана Абулфеиза на место умершего строптивного хана Абылая. Она не могла простить хану его откочевку вне пределов досягаемости Омска и Оренбурга, справедливо усмотрев в этом выражение непокорности. Возможно также, что поддержка кандидатуры Абулфеиза была лишь тактическим шагом коллегии, направленным на внесение раскола в ряды казахской аристократии. Настоящей целью России было упразднение Казахского ханства навечно. Болат – в Туркестане и Даира из клана Абулмамбета избрали на ханство их ближайшее окружение и подвластные им роды. За Абулфеизом стояла Россия, а внутри – то обстоятельство, что он принадлежал двум влиятельным семьям в Степи – Абылая и Абулмамбета. Однако практически все потомки Абулмамбета одновременно выразили свои права на трон, что говорит об отсутствии единодушия в их среде. В семье Абылая разобщение не было выражено столь отчетливо, к тому же Даир, как зять, относился к побочной линии родства.

Скупые сведения о Даире и Тауке разбросаны в разных китайских и русских документах. Даир был третьим сыном султана Барака и мужем старшей дочери хана Абылая и вообще старшим по возрасту султаном влиятельнейшего клана. Султан Даир (умер в 1786 г.), очевидно, был не намного моложе хана. И уж, конечно, он был старше всех его сыновей. По русским материалам, султан Даир, как сын хана Барака и внук хана Турсуна, боролся за ханский трон еще с Абылаем в начале 70-х годов XVIII века. Капитан Андреев в своей рукописи счел нужным подробно остановиться на султанине Даире. После смерти тестя, Даир не только не отказался от своей цели, но еще более окреп в своем намерении. Отец султана Даира – Барак, избирался на краткий срок ханом Старшего жуза, но его правление было неэффективным и недолгим. А внешнеполитическая деятельность хана Турсуна была связана, преимущественно, со среднеазиатскими ханствами. Поэтому политическое наследство Даира было не очень богатым, хоть и географически достаточно обширным.

Ставка Даира находилась на восточном побережье Аральского моря, в низовьях Сыр-Дарьи (Ерофеева, 1997, с. 83 и 123), но часть подвластных ему племен кочевали на землях, примыкавших к новой границе Китая. Даир поддержал Абылай хана в его вооруженных столкновениях с кокандским беком Ирдана, пополнив своим отрядом его войско (АВП РИ, ф. ККД, 1766–1769, д. 18, л. 96). Хан Абылай доверял своему зятю, тот был в курсе его международных связей, как и его старший брат Ханбаба. Абылай защищал интересы Даира перед цинским правительством. В 1779 году он намеревался отправить посольство в Пекин, которое должно было подать жалобу на илийского цзянцзюня за набеги на подвластные Даиру кочевья на границе с Китаем, а также угон скота и людей (ККД, 1779–1780, д. 1, л. 221 об.). Он, как и другие потомки хана Абулмамбета, наряду с родами Старшего жуза в Южном Казахстане, правил аулами и в восточных районах, прилегающих к китайским владениям в Монголии и Тарбагатае. Обоснованием для своих прав на трон султан Даир в письме к Цяньлуну указал следующие: 1) бесспорно высокое происхождение; 2) возраст и 3) то обстоятельство, что Абылай якобы еще при своей жизни объявил его своим наследником и тому были свидетели. Известно, что Абылай хан заранее распределил казахские улусы между своими сыновьями в Центральном и Восточном Казахстане и добился официального признания его преемниками сначала султана Габбаса, а потом – Вали султана.

Не ограничившись тем, что он добился избрания на ханство со стороны небольшого числа подвластных, Даир на этот раз пытался привлечь на свою сторону правительства России и Китая. Он сумел отправить письма русской императрице Екатерине II и цинскому императору Цяньлуну. Письмо в Россию датируется 29 июня 1781 года. Естественно, что Даир султан, как и другие претенденты на наследство хана Абылая, не нашел поддержки ни у России, ни у Цинской империи. Он был мало известен своими делами России и Китаю, намного уступая в этом, к примеру, Абулфеизу.

Вали также оказался не столь простым, он проявил политическую дальновидность, скрыв на время от правительств обеих держав смерть отца. Он стремился взойти на международную арену уже как всенародно избранный и признанный казахской аристократической верхушкой хан. Этой своей тактикой он добился того, что обе державы стали соперничать в том, чтобы опередить друг друга в признании ханских прав Вали, но Россия задержала выдачу ему официального патента и подарков, приглашая получить их в одной из ближайших русских крепостей. Признание ханского титула Вали свидетельствует о временном ослаблении внешнего давления на ханство и о конкуренции между державами за влияние на нового казахского правителя.

И китайские, и русские источники говорят о том, что первоначально весть о смерти хана Абылая дошла до пограничных властей России и Китая не официальными путями, а через их эмиссаров, докладывавших о всех важнейших событиях, происходящих в Степи. После этого пограничные власти в Оренбурге и Кульдже (Или) старались получить подтверждение слухам от «доброжелательных» к каждой стороне султанов и влиятельных старшин, участвовавших в выборах хана. Вали же официально уведомил пограничные власти о своем воцарении лишь после запросов, будучи уже легитимным правителем в глазах своих подданных.

В такой ситуации Россия и Китай одинаково признали наследственные права Вали хана на ханство, проигнорировав притязания других чингизидов: Болата, Тауке и Даира. Уфимский и Сибирский генерал-губернатор Якоби доложил Коллегии иностранных дел о том, что получил весть «от кочующего между Семипалатинской и Ямышевской крепостями Тауке султана Тартаульской волости о избрании его ханом старшинами и биями каракисетской (каракесек), тартаульской (торт ауыл), канжигалинской, басантинской (басентеин), керейской и уваковской волостей» и о его желании отправить одного из своих сыновей в Санкт-Петербург. Российское правительство тотчас отклонило намерение Тауке, выразило отрицательное отношение к его просьбе. Якоби счел нужным ответить Тауке только в 1784 году, что ханом был избран Вали и другого хана в Среднем жузе быть не может. Одновременно генерал-губернатор отправил письмо Вали, в котором сообщил ему о притязаниях султана Тауке и не без коварства советовал, чтобы он не позволял другим объявлять себя казахским ханом (ККД, 1782–1784, д. 1, л. 14-14 об.). Но что мог поделаться Вали? Все претенденты отправляли письма через своих торговцев и сородичей. Чтобы покончить с такой разногласицей, цинское правительство объявило, что прием в Китае посланцев других правителей возможно только в составе официального казахского посольства, т. е. во главе с послами хана Вали. Но порой и эти члены посольства, а также сопровождавшие их торговцы, сумели довести до сведения цинских властей тайные поручения своих правителей и старшин. В задачу Илийского генерал-губернатора входило тщательнейшее изучение сложных отношений среди казахской аристократии.

В Или хорошо знали старшего брата Даира – султана Ханбаба, многие годы бывшего посредником в дипломатических связях дома Абылая с Китаем. Через него велась их тайная переписка, тайные встречи и переговоры, в его ставке останавливались по пути посольства той и другой стороны. Однако, как писал Даир султан в письме к императору Цяньлуну, к тому времени Ханбаба, имевший, по его мнению, больше прав на трон, чем он сам, также умер. Письмо Даира, написанное на чагатайском языке, доставили его сын Маймутэ (в китайской транскрипции) и сопровождавший его старшина Малтабар,

награжденный за свои заслуги или посреднические услуги павлиньим пером пятой степени. Даир сообщал об избрании его ханом после смерти Аблая (Алтан-Очир, У Юаньфэн, 1998, с. 56). Однако, он, согласно правилам восточного этикета, заявил, что без признания его титула императором, он не смеет называть себя казахским ханом. Маймутэ сообщил следующие резоны отца. У казахского народа было три известных хана: один из них Барак (ум. в 1750 г.) – отец Даира, после него правил Абулмамбет, Абулмамбета сменил Абылай. После их смерти, а также смерти Ханбабы в Степи не осталось никого из старшего поколения. Даир в Степи был признанным знатоком родословной чингизидов, однако здесь либо он слукавил, либо переводчик допустил ошибку, Абулмамбет был избран ханом раньше Барака. К тому же, в русской родословной указан всего один брат Даира – Букей султан, судьба которого была счастливее даировской. Он получил ханское звание от России и был соправителем Вали хана в 1816–1819 гг. Но эта родословная была уточнена, по которой сыновья Барака упоминались в следующей последовательности: Сигай (Шыгай), Даир, Ханбаба, Букей, Маман, Ханходжа. Однако вернемся к конкурентам Вали хана.

Признание Даира представляется очень важным для понимания реального значения ханского титула, доставшегося Вали и отличия его ханского титула от ханских званий других правителей. Что касается детей Даира, один из них был упомянутый в китайском документе Маймутэ. Русские источники называют еще двух сыновей султана Даира – Майлы, который служил султаном Каркаралинского окружного приказа и Бешагач (Бешагаш), который был отправлен в Омск. Еще один случай того, что семьи правителей Среднего жуза не отказывались от отношений с обеими державами. Однако отец Барака не мог иметь отношений с Китаем, так как умер до гибели Джунгарского ханства. Отец же Вали хана стоял у истоков казахско-цинских отношений, сам Вали при поездке в Пекин в 1769 г. был представлен императору Цяньлуну. Как уже неоднократно отмечалось, вопрос о наследнике хана заранее обговаривался с цинским правительством. Он был одним из важных в казахской дипломатии того периода. В связи с этими обстоятельствами, письмо Даира командиру Сибирского корпуса генерал-майору Н. Г. Огареву с его родословной дополнено напоминанием о связях хана Барака с Россией, об определении ему жалованья в 200 рублей. Как сообщал Даир султан, его кандидатуру на ханство поддерживал Старший жуз в связи с тем, что он был потомком Турсуна. Однако на ханство он был избран небольшим числом подвластных ему найманов и аргынов, так как последние годы пребывал, преимущественно, в пределах Среднего жуза. А в исконных землях Старшего жуза, граничащих с Синьцзяном, усиливалось господство абылаевичей и крепили их отношения с Илийским генерал-губернаторством. В письме в Россию, Даир с глухим недовольством упомянул, что Абылаю в свое время удалось захватить трон лишь в связи с малолетством сыновей Барака.

Итак, трон достался Вали нелегко, согласно степной демократии на трон претендовало несколько знатных людей. Клан Абулмамбета не сумел выставить одну кандидатуру, не смог объединиться вокруг него, а потому потерпел поражение. В пользу Вали говорило то, что среди абылаевичей не было сильных противоречий. При утверждении Вали не было острой дипломатической борьбы между Россией и Китаем по поводу нового хана, подобно той, которая развернулась при избрании Абылая. Напротив, как уже говорилось выше, в случае с избранием Вали, обе державы стремились опередить друг друга в деле вручения Вали патента на ханство, а затем внимательно следили за связями казахского султана с конкурирующей страной. Правительства двух держав пытались привлечь хана своим, в целом, благожелательным отношением, интересами торгового обмена. Выжидательная и осторожная политика Китая и России в Центральной Азии в последнем десятилетии XVIII века объяснялась их занятостью внутренними делами. Россия вела войну с Турцией, и ей пока было не до Казахстана. Цинская династия была заинтересована в укреплении своей власти в Джунгарии и Кашгарии, укреплением стабильности на северных и северо-западных границах. Экспансия Цинской империи в

70–80-х годах была направлена на юг и юго-запад. Россия в это время была более озабочена своей европейской политикой. В первой четверти века она была занята войной с Наполеоном, а также борьбой с Турцией за выход к Черному морю. Но обе державы взяли на заметку разногласия среди казахской верхушки, которую султаны и не думали скрывать от правительств соседних держав. Избрание Вали на время стабилизировало внутривнутриполитическую обстановку в ханстве.

Вали в условиях тенденции усиления зависимости от России неукоснительно придерживался политики балансирования между двумя державами, заложенной его отцом. Но, не обладая его жестокой властью, а также сильным войском, Вали вынужден был предоставлять больше свободы другим правителям. Добрые отношения с детьми и внуками Абулмамбета были необходимы Вали хану, поскольку их кочевья служили перевалочным пунктом для посольских и торговых связей с Или, Тарбагатаем и Пекином. В управлении Вали хану досталась большая часть атыгай-аргынов (Синьцзян шилуэ, цз. 12). Остальные братья правили родами на территории Старшего и Среднего жузов, под их властью были также представители родов Младшего жуза. После избрания его на ханство, Вали пытался упрочить свои внешние связи, прежде всего, с Российской и Цинской империями. Новый хан выразил готовность отправить в эти страны своих послов. По примеру своего отца и установившейся практике, хан был согласен отправить своих заложников. Их он отбирал в зависимости от тех авансов, которые ему будут представлены правительствами этих стран. Среди них были родные и сводные младшие братья, либо сыновья, рожденные от старшей и других жен. Вали хан регулярно переписывался с правителями среднеазиатских ханств. А связь с ханами и султанами Младшего жуза никогда не прерывалась.

Ханство Вали пришлось на правление двух императоров цинской династии. В Китае до 1796 года почти 60 лет правил император Цяньлун, при котором Цинская империя стала самой могущественной державой Азии и при котором впервые были достигнуты мирное и торговое соглашения с Казахским ханством. В 1796–1821 годах в Китае правил пятый император династии Цин под девизом Цзяцин. В России сменилось царей больше, среди них было короткое правление императора Павла I, все указы которого в отношении Казахстана остались лишь на бумаге. Россия и Китай на время ослабили свои тиски, что способствовало относительно стабильному правлению Вали хана. За долгие годы его правления недовольство казахских султанов и старшин было замечено лишь в 1795 году.

Вали хан и Россия

Министр иностранных дел России генерал-майор Безбородко, который говорил, что ни одна пушка в Европе не может выстрелить без согласия России, считал, что не следует вмешиваться в дела избрания казахского хана (избрание нового хана «оставить на волю тамошней орды»). И что нет особой нужды новому хану присылать в Санкт-Петербург посланца для его утверждения (ККД 1781-1784, оп.122/3, д. 2, л. 11-12). Отсюда видно, сколь мало значения придавали в России отношениям с Казахскими ханствами, и что накал российско-китайского противоборства 60-х годов намного ослаб. Однако патент Вали хану на ханство подписан Екатериной II 16 августа 1781 года. (КРО1, с. 104), передан он был через пограничные власти. В Санкт-Петербурге встречали всего два казахских посольства. Екатерина II велела казахские дела перевести из сферы внешней политики во внутреннюю, в связи с чем казахские посольства стали именоваться в то время депутациями. Согласно императорским Указам от 28 января 1779 года и 3 января 1782 года, «дела до калмык и тому подобных народов касающиеся, имеют состоять в ведомстве генерал-губернаторов и губернаторов тех губерний, где сии народы кочуют или обитают, почему и все нужные для них расходы относятся на распоряжении и отчете сих начальников, кои однакоже в рассуждении политических дел до тех народов касающихся обязаны доносить коллегии (иностранных дел. – К. Х.) и от нее заимствовать нужные наставления» (ККД 1781-1783, оп.122/3, д. 4, л. 2 об. 3). Это положение царская Россия

стремилась распространить и на отношения с казахскими правителями ввиду их тесной связи с китайскими делами.

Вали хан хотел отправить свое посольство в Петербург уже в 1782 году, т. е. через год после избрания и два года после проведения годовых поминок по отцу. Поэтому было предписано, «что как орда сия в числе подданных ея величества состоит, то и не свойственно департаменту, поставленному для отправления внешних дел (Коллегии иностранных дел. – К. Х.), кои не иначе как внутренними почестями должны состоять» (ККД 1781–1783, оп.122/3, д. 4, л. 3). Поэтому посланцы Вали хана должны были направляться Оренбургским генерал-губернатором к генерал-прокурору, «так точно, как и все ко престолу монаршему от губернии присылаемые депутаты препровождаются». А уже генерал-прокурор будет представлять их дела «обыкновенным образом», как посланников и других российских народов, именоваться они будут не посланниками, а депутатами. В то же время, коллегия должна была помогать в деле приема депутатов, обеспечивать переводчиками и требовала регулярных докладов от пограничных властей об обстановке в ханстве. Таким образом, казахстанские дела, имеющие отношение к внешней политике и пограничным проблемам, фактически по-прежнему оставались под контролем Коллегии иностранных дел. Одновременно снижался статус посланников казахских правителей и уровень их приема при дворе, как и уровень, скорость почтовой и прочей связи генерал-губернаторств с правительством. Это вносило очень много неудобств при столь отдаленных расстояниях и царской сложной бюрократической системе. В реальности же казахстанские дела почти всегда решались Петербургом «в рассуждении пограничных (читай «китайских») дел», а потому их не удавалось полностью перевести в русло внутренней политики до конца XIX века. В то же время, большинство мер царского правительства было направлено на ослабление казахско - китайских и других внешних связей казахских ханов.

В 1785 году после небывалой засухи в Степи, на которой пасся скот Вали хана и других феодалов Среднего жуза, пограничные власти разрешили перегнать им скот на правобережье Иртыша. В то время еще действовал указ 1755 года о запрете казахам прикочевывать за сто верст на левобережье Иртыша. Вали хан перегнал табун коней в пять тысяч голов, а с лошадьми других старшин всего сто двадцать тысяч голов. Они должны были пастись в разных местах на дозволенном расстоянии от реки и друг от друга. К каждому табуну были определены от линии солдаты-смотрители. Главным условием перепуска скота было получение аманатов из семей «лучших людей» (ККД Средняя орда, 1785, оп.122/3, д.1, л.1). Но такие события случались редко.

К внутренним делам относились и набеги казахов на линии, угон ими скота и людей. Однако о них непременно докладывалось Коллегии иностранных дел. Зимой 1795 года казахами были отогнаны лошади, люди, увезено имущество. Письма, отправленные с требованием возратить их, оставались без ответа, можно сказать, что переписка была бесплодной. Однако Вали хан не позволял своим сыновьям заниматься набегами и старался поддерживать дружелюбные отношения с русскими пограничными властями.

Вали хан не ограничивал свою деятельность только казахами Среднего жуза. Он предпринимал безуспешные шаги для избавления себя и хана Младшего жуза от обязанности высылать аманатов в обе страны. Для повышения своего влияния в 1786 году он высказал Уфимскому наместнику генерал - поручику Игельструму просьбу (перевод письма датируется 5 октября 1786 года) об освобождении Нурали хана и Айшуак султана от обязанности посылать аманатов в память заслуги их отца, приведшего своих казахов в российское подданство. Если же это невозможно, он просил «дать дорогу» одному из его братьев. Екатерина II в ответ на это бесцеремонно писала Игельструму, чтобы тот передал хану, что дела Младшего жуза его не касаются, и что ей недосуг заниматься этим делом в связи с поездкой по южным районам империи (ККД Средняя орда, 1786, оп.122/3, д. 1, л. 10-10 об.). Вопрос об аманатстве для Младшего жуза был весьма болезненным, т. к. они содержались в России продолжительное время и замена их могла быть произведена

только при прибытии следующего аманата. Ханы не спешили отправлять нового аманата, но постоянно требовали возвращения тех, кто уже был отправлен. К тому же, в аманатстве в России содержались родные сыновья хана Абулхаира, а затем хана Нурали. Требования царского правительства насчет замены аманатов были очень жесткими и бескомпромиссными. Это свидетельствует о том, что других мирных и эффективных рычагов воздействия на ханов не было. Военские поиски обходились очень дорого, их уроки только ожесточали правителей и народ. В это время аманаты от Среднего жуза при цинском дворе отправлялись большей частью добровольно и символически и, как правило, на короткое время. Оно продолжалось приблизительно около двух лет, сюда включался трехмесячный путь до Пекина, время пребывания посольства в Китае и время возвращения цинского посольства из Казахстана, отправленного с предыдущим казахским посольством. При Вали хане все больше прав по разрешению торговых споров стало переходить в руки кокандских старшин.

В 1798 году депутация Вали хана, состоящая из пяти человек: его племянника Багадура (Батыра) султана – сына брата Вали хана Чингиса султана и четырех старшин (Ходжа Гильди, Аккиши, Иррали, Умер бек), прибыла в Санкт-Петербург.

Император Павел I Указом от 10 октября предоставил жалованье сыну Вали хана Аббасу (Габбасу) в размере 300 руб., брату хана – Ишиму – 250 руб. и старшине Байезиту – 20 руб., а также каждому из них по 50 пудов муки. Батыру султану было назначено 100 руб. в год, «покуда пребудут в непоколебимой верности» (ККД, 1798 Средняя орда, оп. 122/3, д. 1, лл. 106 и 130). Посольство Вали хана снабжалось точно так же, как и посольство его отца во главе с Тогумом в 1778 году (там же, л. 115). Габбас не был в составе посольства, в то же время ему было царем Павлом I определено содержание в 300 руб. Это свидетельствует о том, что Санкт-Петербург признал наследственные права этого султана и что, несомненно, он был первенцем Вали-хана. Также несомненно, что указ Павла I последовал по просьбе Вали хана, которая имела целью получить поддержку царского двора в деле престолонаследия. Этот Габбас уже имел титул гуна и атрибуты офицера гвардии от императора Цяньлуна. Таким образом, Вали считал, что он успешно справился с делами престолонаследия. Но после его смерти с упразднением царской Россией ханства, дипломатическая борьба за трон перемежалась с вооруженной борьбой потомков Вали с царской Россией.

В конце 1799 – начале 1800 годов в Санкт-Петербург с поздравлениями по случаю восшествия на престол Павла прибыла также депутация Букея султана во главе с его внуком Али султаном, с 2-мя старшинами и 2-мя туленгутами. В письме (перевод от 23 января 1800 г.) Али султан напоминает, что его предки и он сам находились на службе российского императора, сопровождали русские торговые караваны в Ташкент, Кашгарию, Коканд, Наманган, Андижан. Букей султан проживал обычно в городе Туркестане, а сын его Чингис управлял казахами колена тортаул рода каракесек. Султан Али сказал, что хотел бы получить отцу и себе чин «караван-баши с печатью в придачу, а также жалованье за труды. Павел I указом от 14 марта 1800 года пожаловал Али султану чин коллежского асессора, а двум его старшинам – чин титулярного советника (там же, л. 38 об. 40 и л. 75). Естественно, что казахи также доставляли сведения о странах, которые посещали по своим торговым делам.

О недоброжелательном отношении Али к Вали хану свидетельствуют его слова о том, что Вали хан способствовал ограблению караванов среднеазиатских и кашгарских купцов (там же, л. 38 об. 39). Здесь была не только конкуренция за посредничество в торговых делах России со среднеазиатскими ханствами. Очевидно также, что была конкуренция и во внутренних делах. Сын Вали хана – Чингис – также имел в своем управлении колена каракесек. В 1799 году сын Абылая, брат царствующего хана Вали Чингис, также выразил желание направить депутацию в Россию, получил на это разрешение с условием, что она будет состоять всего из двух человек с одним-двумя сопровождающими. Это не помешало

султану Чингису дважды включить своего сына Токто в представительную казахскую делегацию, прибывшую в Пекин в 1803 и 1809 годах.

В 1799 году в Санкт-Петербург нанесла визит депутация от «киргисского общества»: сын хивинского хана Каипа Джигангер и Джанчувак Кудаймендин, оба имеющие чин коллежского асессора. Переговоры шли о взаимных претензиях между казахами и башкирами, для решения которых в посредники вызывалась русская сторона. Явного недоброжелательства в отношении китайской политики Вали хана они не высказывали, так же как не протестовала против этого и Россия.

В течение своего правления Вали хан старался не давать повода для недовольства и России, и Китая. Правительства держав и их пограничные власти неусыпно продолжали наблюдать за состоянием казахских ханств, стремясь не допустить здесь открытой враждебности.

Вали хан и Китай

Вали, безусловно, еще в юности встречался с китайскими послами, приезжавшими в ставку отца, принимал посильное участие в переговорах с ними. В то же время Вали редко употреблялся Абылаем для дипломатических дел, находясь постоянно при нем.

Впервые в Китай Вали султан выехал в 1769 году, в возрасте приблизительно 28 лет. В составе посольства было пятнадцать человек, среди которых главным советником юного султана был би Жарылгап, сын знаменитого соратника Абылай хана Бухар жырау. Посольство прибыло в Пекин 1 мая 1769 года (Гаоцзун шилу, 83, л. 14). Этому посольству придавалось огромное политическое значение. Как чингизид, Вали султан сидел на приемах на почетном месте рядом с представителями монгольской «белой кости». В честь визита Вали хана император Цяньлун написал стихотворение (Сиюй тучжи, цз. 44).

Прибытие первенца Абылая и его наследника к цинскому двору должно было иметь серьезные политические и экономические последствия для хана. Вали султан должен был служить гарантом лояльного отношения к цинскому правительству в обмен на неизменную поддержку фамилии Абылая как при жизни хана, так и после его смерти. Только при таком обещании Абылай хана, Вали мог получить в 1800 году от цинского правительства патент наследника казахского престола и сопутствующий ему титул гун (Гаоцзун шилу, 831, 14). Этим объяснялась решительность цинского двора в утверждении Вали на ханство в 1782 году, поскольку их первый протееже – Габбас султан к тому времени уже умер.

В 1781 году Вали стал преемником хана Абылая. Уже 13 ноября 1781 года Омск получил известие, а 22 ноября и 1 декабря того же года, а также 22 января 1782 года командующий Сибирским корпусом генерал-лейтенант Огарев направил рапорты Уфимскому и Сибирскому генерал-губернатору Якоби о прибытии к Вали китайского посольства с миссией утверждения его на ханство. «Китайское посольство остановилось у Ханбабы (сын Барака султана) при урочище Баян-ола и вызвало к себе Вали для принятия подарков и сделания по отцу ево покойном Аблай хане поминков» (ККД, 1781, д. 3 Средняя орда, л. 21). От китайцев прибыл посланник амбань (сановник. – К. Х.). Башисы (маньчжурское имя или искаженное каз. басшы – глава, руководитель), при котором было 130 человек и 50 верблюдов «с разными как для подарка вещами, так и для продовольствия их в пути провиантом». Вали приехал для встречи со своими старшинами. В подарок от имени императора ему были вручены чайник, чаша и блюдо серебряные, разные шелковые ткани. Также получили полагающие им подарки старшины, сопровождавшие Вали, «причем, его Вали солтана посадив на белой войлок поднимали на оном и поздравляли ханом». Можно предположить, что китайское посольство приурочило свой приезд к церемониалу провозглашения казахской верхушкой Вали султана ханом. Либо оно настояло на повторении церемонии избрания для придания легитимности своему мероприятию и прилюдной демонстрации своей последовательной поддержки. На церемонии избрания было зарезано сто баранов, которых отдали прибывшему народу на заклание. «А потом, в знак поминовения по Аблай хану, расклали огонь и на оном сожгли

разного рода шелковых материй и бумаги немалое число». А по другим сведениям, цины жгли шерсть, согласно древнему обычаю тюрко-монгольских племен. Таким образом, представители цинского императора освятили поминки хану Абылаю и избрание его наследника смешанным ритуалом. Вали со своей свитой пробыл на том урочище четыре дня, после чего все разъехались.

Старшина казахский Кулебяки – тайный недоброжелатель Абылая после смерти хана Абулмамбета – показал, что «амбо привез «покрытую лентою» кресло и в знак признания Вали солтана от китайского двора в ханском достоинстве посажен он был в кресла и возвышен на оных». Затем состоялось вручение даров. Он указывает, что было зарезано 20 быков, 40 баранов. Кулебяка уверял, что «сей обряд от китайского двора при таком же объявлении ханского достоинства, отцу ево Аблайхану было сделано». При сожжении ритуальных погребальных бумажных вырезок, а также тканей «от китайцев производим был разного рода крик», по показаниям старшины Байджигит мурзы. По словам же самого Вали, прибыло для церемонии триста китайцев» (ККД, 1781 д. 3 Средняя орда, л. 17-25). Безопасность китайского посольства страховал внушительный отряд сопровождения, а также караулы, выдвинутые ближе к Усть-Каменогорску. В благодарность Вали хан заявил о своей готовности отправить вскоре посольство в Китай во главе со своим братом Сагитом (имя искажено) в сопровождении пятнадцати старшин.

Для уточнения происшедшего события обратимся к китайским архивным материалам из фонда Военного Совета (Цзюньцзичу) Первого исторического архива КНР. Обряды были проведены по предложению главы делегации Башысы по китайским (маньчжурским) обычаям. Узнав о желании посольства провести поминки по хану Абылаю, Вали в сопровождении своих шести младших братьев прибыл в лагерь, раскинутый к западу от Баянаула. Командующий чахарским гарнизоном пограничных войск Фу Цзинь, подготавливая Вали к обряду получения патента на ханство, принятому при цинском дворе, уверял, что обряд является знаком благоволения императора и его монаршей милости. Настаивал, что они хотели бы провести его согласно дворцовому церемониалу. Для этого Вали хану надлежало принять грамоту на коленях, совершить при этом три коленопреклонения с девятью поклонами. Именно этот церемониал исполняли титулованные монгольские ханы и ваны, монгольские зятья цинских императоров – эфу. Вали на это отвечал, что он уже бывал в Китае и знаком с дворцовым этикетом непонаслышке. 21 декабря китайцы приготовили жертвенное вино, жертвенный скот, а также вынули привезенные с собой погребальные вещи и ритуальные деньги. После совершения обряда поминовения Вали хан совершил принятый при цинском дворе обряд коленопреклонений и выразил благодарность от своего имени и имени своих многочисленных братьев императору за проведенные поминки и за жалованную грамоту о наследовании ханского титула. Он сообщил о своем намерении отправить в Пекин посольство во главе с младшим братом Шигаем для получения ханского патента и выражения личной благодарности императору. По традиции цинское посольство выехало обратно в Или вместе с посольством Вали хана. Казахское посольство было достаточно внушительным. Вот имена (в китайской транскрипции) двенадцати сопровождавших султана Шигая человек: Даяр, Есен, Декэтер, Дурал, Болэкэ, Якагэладу, Беимбет, Кебек, Чуман (Шорман), послы Адиль султана – брата Вали: Таштемир, Джиргал, Адиянь. (Алтан-Очир, У Юаньфэн, 1998, 66). Даяр и Таштемир к тому времени имели чин шивэй – офицера цинской дворцовой гвардии. Следовательно, они уже не первый раз посещали императорский двор.

После прибытия посольств казахских правителей в Кульджу Илийский цзянцзюнь 11 марта 1782 года отправил их в Пекин по маршруту Урумчи – Хами – Ланьчжоу – Пекин. Подаренных Вали семь аргамаков, которые в глазах цинской династии символизировали дань, было решено оставить пастись на местных пастбищах. Казахское посольство сопровождал отряд во главе с офицером дворцовой гвардии третьей степени по имени Адун, а также Башысы, возвратившимся вместе с ними из Баян аула. Посольство Вали

хана достигло столицы Цинской империи в начале мая. Цяньлун устроил пышный прием во дворце Юаньминьюань (через сто лет разрушен западными колониальными войсками в 1881 г. – К. Х.), где были вручены положенные подарки, какие, по свидетельству двора, десять лет тому назад были вручены Абылай хану. Посольства Вали хана и Адила султана возвратились в Или в начале октября того же 1782 года, а 20 октября оно тронулось в Казахстан, как было установлено, в сопровождении цинского отряда до первых их караулов.

В 1787 году в Пекин выехало еще одно посольство хана Вали во главе с его братом – султаном Касымом. Посольство состояло из 39 человек, при нем был табун коней в сто голов. «Посылка оново по разведыванию ничаво по себе важного не заключает, как только что отправлен он для донесения китайскому двору о благополучии Вали-хана по прежнему их обряду, который отправлялся киргискими владельцами чрез три года, отколь, полагают, тому Касым-солтану возвратится в половине будущего лета», – отмечалось русскими пограничными властями (ККД, 1791, д. 1, л. 49).

Однако из содержания рапорта И. В. Якоби, полученного на основании донесений некоего Татрана, присутствовавшего при вручении письма богдыхана Вали хану вместе со своим отцом и Мат (или Дат батыром), привезшим это письмо в Омск вырисовывается другая картина. По их словам, султан Касым, посланный Вали ханом в Китай, внезапно заболел и, не исправив своей посылки осенью того же года, возвратился с китайским посольством. Это посольство везло Вали хану императорское письмо и подарки «на три халата фанцзы», «и велено было ему как письмо, так и подарки, не отдавая никому другому, вручить самому Вали хану» (ККД, 1786, л. 37). Кроме того, члены посольства везли с собой китайских и ойратских девушек для продажи их в рабство.

По сведениям, полученным от одного казахского старшины, Вали хан собирался теперь отправить в Китай другого своего брата вместо Касыма.

Вали хан, преследуя свои политические и экономические интересы, старался достаточно регулярно посылать своих послов в Китай. Эта очередность была закреплена в специальном календаре, выдаваемом двором, так называемым, вассалам, чтобы они помнили о сроках, в которые их посольства, а также торговые караваны допускались в китайские пределы.

Как цинскому императору, так и русскому царю было известно о политических связях казахского хана с противной стороной. Не имея достаточных сил для пресечения этого явления, они до поры до времени закрывали на это глаза. Это позволяло Вали хану проводить самостоятельную политику, поддерживая нормальные внешнеполитические связи с соседними державами.

Через 10 лет ханствования Вали цинский император отметил в своем Указе: «Что касается упомянутых в докладе (Тэчэньэ) сыновей Ханходжи и Абылая, которых белые цари (Цаган-ханы) привлекают на свою сторону, это дело не является столь важным. Казахи весьма искусны в получении своей выгоды. Их территория находится между русским и нашим государствами. Они высказывают мне послушание, и в то же время боятся России. Это естественно. К тому же младшие братья и сыновья (их правителей) нерегулярно приезжают на аудиенцию. Потому что они либо находятся в пределах владений белых царей, либо кочуют сами по себе, торгуют (где им выгодно), нам не дано знать точно. В то же время они не служат России (отправляя туда) своих заложников» (Указ 24 марта 1791 г. Гаоцзун шилу, 1372, 36).

Запись о прибытии младшего брата Вали хана Досали в Кульджу относится к 7 октября 1790 года (Гаоцзун шилу, 1361, 35 об.). Султан намеревался выгодно обменять здесь меха шиншиллы и других зверей на китайский атлас и цветные шелка. Ему в этом пограничные власти намеревались отказать, т. к. проезд его был внеурочным, а товары нерегламентированными, согласно торговому соглашению. Меха могли быть русскими, а русские товары запрещалось продавать в Синьцзяне. Однако Пекин решил иначе,

упрекнув пограничные власти в непродуманности отказа. Разрешение на обмен Досали было дано Указом императора. Доводы были следующие:

1. Получив свидетельство недоброжелательности цинских властей, казахи могут отказаться поддерживать отношения или откочевать в недостижимые пределы.
2. Запрет на торговлю неразрешенными товарами приведет к тому, что в Синьцзяне будет процветать тайная торговля.

Кроме того, император просил власти Тарбагатай не раздувать дело об угоне казахами в плен торгоутов (Гаоцзун шилу, 1375, 24). Все эти шаги в совокупности показывают, что Цяньлун твердо намеревался поддерживать связи с Вали ханом, а также с потомками Абулфеиза. Скорее всего, Досали не был официальным послом Вали, он приехал по частному поручению, с целью закупить товары для какого-то семейного события. Но вот перед Новым годом по китайскому календарю (по солнечному приходится на 27 января 1791 г.), Досали оказывается в Пекине, где он присутствует на дворцовом приеме в составе казахского посольства из пяти человек, среди которых упомянут лишь Айзибай. Как обычно, на предновогодние и новогодние приемы приглашались представители многих восточных стран, а также уйгурские беки, монгольские князья – «вай фань» (внешние вассалы), тусы (старшины) народов Южного и Юго-Западного Китая. В списке гостей, на котором присутствовал Досали султан, указаны послы дэрбетского, торгоутского ханов, правителей Кореи, Бирмы, Сиамы, всего около 30 человек (Гаоцзун шилу, 1369, 13 об.-14). 30 января был второй, а 12 февраля третий прием Цяньлуна (Гаоцзун шилу). Приезд Досали к новогодним торжествам был весьма кстати, иноземцы в своих красочных национальных одеждах придавали блеск дворцовым приемам. Эти приемы демонстрировали политическое могущество Цинской империи. Досали задержался в Китае более чем на год и должен был присутствовать на приемах в честь 80-летия Цяньлуна осенью этого года, намечаемом в летней резиденции в Жэхэ.

Дипломатические маневры цинского двора привели к тому, что весной 1791 года в Пекин прибыл сын Вали хана – Амиржан, а Досали – младший брат Вали – все еще оставался в пограничной Кульдже (Или) гостем генерал-губернатора, чтобы сопровождать юного племянника на аудиенцию императора. Напрашивается вывод, что Досали был задержан в Китае и оставался неофициальным заложником до прибытия настоящего, т. е. родного сына Вали. Возможно, он оставался, чтобы продолжать торговые дела семьи.

Вали хан, желая закрепить права своего наследника, понимал, что не мешает заручиться в этом деле патентом от цинского императора. Опыт воцарения его отца, а также его личный опыт подтверждали политическую необходимость этого шага. Император Цзяцин, со своей стороны, также требовал, чтобы синьцзянские власти не выпускали из поля зрения престолонаследные дела казахов. Этот вопрос приобретал большое политическое значение в связи с планами России упразднить институт ханства в Казахстане. В 1800 году (5 год правления Цзяцин, 5 луна,) был оформлен документ о признании наследником хана Вали его старшего сына Габбаса султана (Аббас), в связи с чем ему присваивался титул гун и выдавалось соответствующее вознаграждение от императора Цзяцина в виде шелков, изготовленных в дворцовых мастерских (Жэньцзун шилу, 68, 8). Документ должен был быть доставлен в 1801 году в ставку Вали хана, где должен был состояться торжественный церемониал вручения, на соблюдении которого двор всегда настаивал. В наших руках нет документа о том, когда именно и где был вручен Вали хану и его первенцу Габбасу этот документ. Но ритуал, несомненно, состоялся, свидетельством чего служит приглашение Цзяцина посланцам Вали хана навестить его в летней резиденции Бишу шаньчжуан в Жэхэ. Осенью 1803 года казахская делегация, формально возглавляемая сыном Вали хана Богели (Бегали. – К. Х.), прибыла в Жэхэ. Заместителем главы делегации и следующим по знатности визитером был Токто султан, сын младшего брата Вали Чингиса. Он получил в подарок слитки серебра. Бегали удостоился чина офицера гвардии, что выразилось в пожаловании ему шляпы с драгоценным камнем и плюмажем из двухочкового пера павлина (Жэньцзун шилу, 118,

29). Приглашение в Бишу шаньчжуан означало, говоря языком китайской дипломатии, «сугубо доверительные отношения». Это было вторым случаем в казахско-китайских отношениях, когда посольство дома Вали прибыло в летнюю резиденцию, где в непринужденной обстановке проводило секретные переговоры вдали от столицы. Члены посольства, как здесь было принято, участвовали в летне-осенних развлечениях «бай си» (сто представлений), главным из которых были охота, скачки, цирковые представления (джигитовка), фейерверки.

Китайские дворцовые хроники говорят о семи официальных посольствах Вали хана за 40 лет его правления в 1782, 1787, 1791, 1795, 1800, 1803 и 1809 годах. После смерти Вали хана цинский двор предпринял неудачную попытку вручить патент на ханство его сыну Губайдулле, но рассказ о нем отдельный.

Отношения цинского двора с фамилией Абулмамбета продолжались как в течение всего периода правления Вали хана, так и после его смерти вплоть до территориального разграничения между Цинской и Российской империями на центрально-азиатском участке, т. е. почти до конца XIX века. Но они не носили столь официального характера, большинство поездок ограничивалось пограничными городами Тарбагатаем и Кульджой, изредка – Кашгаром.

В 1799 году в Китае был отмечен приезд посла семьи Абулфеиза, его внука Жанходжи с известием о смерти его отца Ханходжи. Их подвластные кочевали и находились на землях между Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостями на подступах к Синьцзяну. В источнике не указано, с согласия ли хана Вали отправлялось это посольство, также непонятно, было ли ему вообще известно об этом факте. Если это посольство направлено с одобрения и согласия Вали, то при нем непременно должны были быть его торговцы. В таком случае получается, что Вали отправлял свои посольства один раз в четыре-пять лет, а цинское правительство установило правила: одно посольство за три года. Интенсивность связей Вали хана с цинским Китаем была намного выше, чем с царской Россией. Из его братьев в составе посольств, отправленных в Китай, были Досали (в 1786 и 1809), Касым (в 1787–1788), Амиржан (в 1791 г.), Шамухамет (в 1795 г.), а из детей – Габбас, Бегалы (в 1800 и 1803 гг.), Сарбай (в 1809 г.), а также племянники. Связи Вали хана с Пекином не прерывались его потомками, однако с каждым поколением они слабели.

Вали хан имел многочисленное потомство, что в казахском обществе того периода являлось признаком силы и могущества. Согласно русским материалам, Вали хан имел 14 сыновей: 5 сыновей от старшей жены и 9 – от младшей – хорошо известной русскому двору ханши Айганым. И. В. Ерофеева перечисляет их в таком порядке: Абулмамбет, Шынгыс (Чингис), Хамза, Бегалы, Аблай, Шеген, Торежан, Аббас (Габбас), Жошы, Тауке, Канходжа, Али, Габайдулла (Губайдулла) и Есым (Ерофеева, 1997, с. 123). Возможно, она не придавала значения перечислению сыновей по их старшинству. Однако, этот вопрос является чрезвычайно важным в деле престолонаследия.

Чингис родился в 1818 г., за год до смерти Вали хана, в 33-летнем возрасте он имел солидный послужной список: был старшим султаном Аман – Карагайского (затем переименованный в Кушмурунский) с 30 августа в 1851 г., награжден чином майора в 1838 г. в 20-летнем возрасте, а в 1843 г. – золотой медалью на александровской ленте (ИКРИ, т. 8, 2006, 342). Сохранился снимок 1891 г. султанов Сибирского ведомства, в середине сидит Чингис в мундире полковника с эполетами и с именной саблей. Ему тогда было 73 года. Награды последовали в годы восстания Кенесары! Торежан родился в 1810 г., волостным управителем стал в 1859 г., никаких знаков отличия от русских не имел. Выше упоминалось о том, что царь Павел I выделил жалованье Габбасу, что уже говорит о преимущественных правах этого султана. В ханской родословной, помещенной в «Синьцзян шилую» (цз. 12, лл. 3-12) четко написано, что старшим сыном Вали хана является Аббас (Габбас), далее идут Амиржан, Абалайда (Абайдилда, Губайдулла), Бегали (Богэли), Сарбай. Приведены имена лишь пяти сыновей, скорее всего, все они рождены

старшей женой Вали хана, и, согласно степному праву, именно они могли быть законными претендентами на ханский трон. Имена других девяти сыновей в родословной не указаны, хотя некоторые из них прожили долгую жизнь. Большинство детей Вали причислено к Кокчетавскому внешнему округу, придерживались русской ориентации и переходили на службу России. Цинский двор отдавал предпочтение сыновьям старшей жены во всех отношениях, что, в какой-то степени, объясняет одну из причин русской ориентации ханши токал Айганым и рожденных от нее детей. Однако дети Айганым не были полностью отстранены от дипломатической деятельности, поскольку она была и оставалась привилегией ханского дома.

год, месяц, день	имя посла, посланца, курьера	куда и к кому отправил	источник
1782 июнь 11 марта 1782 тронулись из Или, 26 марта достигли Урумчи, 15 мая – Ланьчжоу, в 11 июня – Пекина	Шигаи султан, мл. брат хана Вали; Даяр, Дектер, Дурал (Дурат), Есен, Кебек, Чуиань, Белек, Жанкелту (Якхагэлэду), Мамбет (Беймбет). Султан Адиль и его послы Таштемир, Джиргал, Азиянь	в Пекин к императору Цяньлуну	ПИА КНР, ф.Хасаке даньвань, тетр.1; Цин Гаоцзун шилу, цз. 1156, 7; 2, 56
1781 октября 26 – 1782	Ишим (Есим) султан, мл. брат Вали хана; Тюляу мурза, Шаукал бахадур, Байтука, Тляукабул, Мурзатай, Куйлыб, Токус (Текуш старшина) и двое слуг при Ишине султаней	к Екатерине II в Санкт-Петербург	КРО2, с.103
1784 возвращение в октябре	Джанибек султан, мл. брат хана Вали со товарищи	к Екатерине II в Санкт-Петербург	КРО2, с.108
1787 июнь	Айбак султан, сын Жолбарыс (Юлбарс) султана, 6 старшин и при них трех слуг	к императору Павлу I в Санкт-Петербург	ЭНЭХ2, 297, 302,305
1787 сентябрь	Хасам (Касым) султан, мл. брат хана Вали после кратковременного плена у кыргызов, Даяр, Балтай, Хара батур, Бедегер	в Пекин к императору Цяньлуну	ПИА КНР. КФ. тетр. 2-3; Цин Гаоцзун шилу, цз. 1286, 13
1791 январь	Досали султан, мл. брат хана Вали	в Пекин к императору Цяньлуну	ПИА КНР. Ф. ХД. тетр.2 - 3; Цин Гаоцзун шилу, цз. 1369, 13,15-15 об.
1791 Июль – август	Амидай, Амирцзай (Амиржан), мл. брат хана Вали	в Пекин к императору Цяньлуну	Цин Гаоцзун шилу, цз.1383, 27
1795 сентябрь	Шамухмуд султан, мл. брат хана Вали; Балакэ, родственник хана	в Пекин к императору Цяньлуну	Цин Гаоцзун шилу, 1483,16
1798	Бахадур (Батыр султан), племянник Вали, сын его мл. брата Чингиса; старшины Ходжа-Гильди, Аккиши, Ирари, Умарбек	в Санкт-Петербург	АВП РИ,ф.ККД 1781, д.3
1803 сентябрь	Бегали султан, мл. брат хана Вали; Токто, сын султана Жолбарыса, племянник Вали хана; Айчувак, сын Бабака	в Пекин к императору Цзяцину	Цин Жэньцзун шилу, цз.118, 29; Синьцзян шилуе, 12
1809 сентябрь	Досоли (Досали), мл. брат хана Вали, Сарбай, сын Вали; Токто, племянник Вали; Султанкерей, сын Абаза; Шарухул, сын султана Даулеткерей (Дулаткерей), Айчуак, мл. брат Вали хана	в Пекин к императору Цзяцину	Цин Жэньцзун шилу, цз. 217, 1; Синьцзян шилуе, 12

Примечание: Посольство Вали хана в России принимали 4, а в Китае – 7 раз.

Литература

1. ККД – Фонд Киргис-кайсацкие дела. Оп. 122/2 и 122/3. Архив внешней политики Российской империи, Москва.
2. КФ – Казахский фонд Первого исторического архива КНР, Пекин.
3. МФ – Маньчжурский фонд Военного Совета Первого исторического архива КНР, Пекин.
4. КРО 1 – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1961.
5. ИКРИ – История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII. Ч. 1. Составление, предисловие, комментарий и указатели Б. Т. Жанаева. Отв. ред. И. В. Ерофеева, Алматы: «Дайк-Пресс», 2006.
6. ЦИКХ – Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX вв. Кн. 1-2. Алма-Ата: Наука, 1989.
7. Гаоцзун шилу – Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу. Токио, 1936.
8. Жэньцзун шилу – Дай Цин Жэньцзун Жуйхуанди шилу. Токио, 1936.
9. Алтан-Очир, У Юаньфэнь. Цинтин цэфэн Вали султан вэй хасаке чжунчжань хан шимо. Чжунго бяньцзян ши ди яньцзю. №3, 1998, с. 52–58.

10. Ерофеева И. В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв. Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Алматы: Фонд Сорос-Казахстан, 1997, с. 46-144.
11. Сагути Тору. 18–19 шицзи Синьцзян шэхуй ши яньцзю (История синьцзянского общества XVIII–XIX вв.). Пер. с яп. яз книги «Джюньхати – Джюкюсейки Хигаси – Торукисутан Шакаиши-кенкю». Токио, 1963. Джюньхати – Джюкюсейки Хигаси – Торукисутан Шакаиши-кенкю. Токио, 1963. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1983.
12. Сиюй тучжи – Циньдин хуаньюй Сиюй тучжи цзяочжу. Комментарий к Сиюй тучжи. Под ред. Чжун Синлин. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаншэ, 2002. Цз. 44.
13. Синьцзян шилюэ – Циньдин Синьцзян шилюэ. Б/м, 1821. Цз. 12.
14. Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии. XIV–XIX вв. Алматы: Ғылым, 1995.